

что если кассета с интервью сохранилась, то его публикацией Дафни окажет большую услугу русской культуре, и что я хотел бы взять у нее интервью о Ерофееве. Ответ пришел быстро — Дафни охотно соглашалась поговорить со мной по «Скайпу»¹, а также обещала поискать кассету. По ее словам, много лет назад она передала эту запись ученому, который писал о Ерофееве диссертацию. И тут действие этой почти детективной истории переносится в Лондон.

Илья Симановский, Светлана Шнитман-МакМиллин
**ВЕНЕДИКТ ЕРОФЕЕВ В БЕСЕДЕ
 С ДАФНИ СКИЛЛЕН**

Краткое предисловие к публикации

Илья Симановский. Работая с О. Декмановым и М. Свердлом над расширенным изданием биографии «Венедикт Ерофеев: посторонний», я обратил внимание на то, что в одной из дневниковых записей Ерофеев упоминает «магнитофонное интервью», которое летом 1982 года он дал своей знакомой, называемой им «британка Дафния». О таком интервью Ерофеева я ничего не знал — очевидно, оно никогда не было опубликовано. Надежда отыскать кассету меня вызволила — тем более что это была возможность оцифровать и сохранить настоящий голос писателя, записей которого осталось ничтожно мало. Определение «настоящий» я употребил неслучайно. Предложения об интервью посыпались на Ерофеева лишь в последние два года его жизни, когда он, больной раком горла, уже потерял свой очаровавший современников баритон и разговаривал при помощи специального аппарата. Было понятно: если кассета почти за сорок лет не исчезла и не испортилась — она бесценна. Но сначала требовалось отыскать хозяйку записи, которая интересовала меня не меньше. В записной книжке Ерофеева я нашел название ее имя «британки Дафнии»: *Daphne Skillen*, и Google, к моей радости, выдал мне целый ряд ее публикаций — Дафни оказалась известной журналисткой. На email, указанный в одной из ее статей, я немедленно отправил письмо. Несколько стесняясь своего искренного пафоса, я написал,

Светлана Шнитман-МакМиллин. Я познакомилась с Дафни Скиллен осенью 1983 года, когда Арнольд МакМиллин, мой (тогда будущий) муж, профессор литературы Лондонского университета, предложил представить меня аспирантке, которая встречалась с Венедиктом Ерофеевым. В то время я только приступала к работе над диссертацией, превращенной позднее в монографию «Венедикт Ерофеев „Москва — Петушки“, или The rest is silence»². Мы встретились с Дафни в пабе The Lamb, который часто посещал живший на соседней улице Чарльз Диккенс. Чрезвычайно живая, смешливая и полная интересных историй Дафни очень понравилась мне. За джином с тоником она рассказывала о своем знакомстве с Венедиктом Ерофеевым, и кое-что из ее рассказов я включила в свою книгу. Потом мы не виделись много лет, но в последние годы иногда встречались на докладах в университете и других организациях.

29 мая 2019 года я получила от Дафни письмо, где она просила меня вернуть ей кассету с ее интервью Венедикта Ерофеева, данную мне 36 лет назад в пабе The Lamb. В полном изумлении я ответила, что я не только не получила от нее кассеты, но даже не подозревала о существовании такой записи. Я была поражена и очень просила ее поискать в своих закромах, так как значение такого интервью переоценить невозможно. Проведа следующий день

¹ См.: *Скиллен Д.* «Он искал неподдельность». Английская подруга Венедикта Ерофеева / Беседа вел Илья Симановский // «Радио Свобода». 2019. 17 августа. <https://www.svoboda.org/a/20190612.html>.

² Райсер-Шнитман 1989.

в неутихающем беспокойстве, я наконец увидела в своей почте письмо: Дафни нашла кассету у себя! Оказалось, что после нашего первого знакомства она собиралась отдать мне запись, но в занятой жизни намерение как-то обрвалось. В огромной радости и возбуждении я сразу скачала Дафни, что его нужно опубликовать. Она немедленно согласилась, понимая важность интервью для литературного наследия писателя. Но вначале она хотела послушать его, а магнитофона у нее больше не было. Мы договорились, что через несколько дней Дафни придет в университет, где я устраивала «Крулый стол», посвященный 50-летию написания «Москвы — Петушков», и даст мне кассету, которую мы сможем вместе послушать на нашем стареньком магнитофоне. Она просила не слушать запись до ее приезда к нам домой. Мы все очень беспокоились, что кассета может быть повреждена. Перед приездом Дафни я дважды проверила магнитофон. Он работал. Но когда, весело пообедав, мы уселись на диване и я вставила кассету, магнитофон закрутился, охнул и испустил дух. Арнольд и Дафни признали это с британским стоицизмом. Моему разочарованию не было конца. Немедленно схватив компьютер, я заказала по интернету новый магнитофон, который мне доставили поздно вечером на следующий день. Я включила его, поставила кассету, и через несколько секунд в комнате зазвучал удивительной красоты баритон и милый смех Венедикта Ерофеева. Не выпуская магнитофона из рук, я, не отрываясь, прослушала интервью дважды с чувством, что в лондонской ночи со мной происходит настоящее чудо. Той же ночью я написала два письма: Дафни — чтобы сообщить ей счастливую весть о сохранности кассеты. И Илье Симановскому — с тем же известием и попросив его участвовать в публикации этого интервью. Я отдавала себе отчет в том, что оно всплыло только благодаря его неутомимой энергии в поиске материалов о писателе. И, конечно, я понимала, насколько его глубокое знание биографии Ерофеева будет неоценимо при написании сноска и комментариев к этой публикации. К моей радости, Илья сразу согласился.

В университетском медиацентре¹ я попросила наших компьютерщиков оцифровать кассету. Через пару дней я получила звуковой файл, который сегодня читатель может послушать по ссылке <https://www.youtube.com/watch?v=GT95CzJ19Qs> или скачать в библиотеке ImWerden². Его расшифровку мы и предлагаем читателю. Но сначала несколько слов о самой журналистке.

Из биографии Дафни Скиллен. Дафни Скиллен (*Daphne Skillen*) родилась в Шанхае, куда русско-украинская семья ее матери эмигрировала из Владивостока. Ее отец, грек по национальности, приехал в Шанхай в поисках новой жизни в самом оживленном и быстро развивающемся городе Азии. Родители говорили друг с другом и с дочкой по-английски, и Дафни посещала американскую школу.

В мае 1949 года семье пришлось срочно эмигрировать: Народно-освободительная армия Китая под командованием Мао Цзэдуна наступала, и приход коммунистов к власти был неотвратим. Богатые китайцы и иностранцы покидали страну. Родители Дафни оставались в Шанхае до последнего момента, но в конце концов решились на новую эмиграцию. Пассажирские самолеты больше не летали. Отцу удалось угнорвать британского пилота транспортного самолета вывезти семью. Выгузвив чей-то роскошный роуль, летчик посадил родителей, двух дочерей и их русскую бабушку в самолет, летевший в Австралию.

Окончив школу и поступив в Сиднейский университет, Дафни получила диплом по политологии, психологии и философии. Переехав вместе с мужем в Оксфорд, она прошла экстерном интенсивный школьный курс русского языка. Потом они поселились в Кентербери, где ее муж преподавал философию в университете.

Дафни получила диплом по русскому языку и литературе Лондонского университета и, проведя год в США, прошла магистерский курс в Университете Колорадо в Боулдере.

¹ University College London ISD Digital Media.

² <https://imwerden.de/publ-8781.html>.

написав диссертацию о творчестве Андрея Синявского. В 1985 году она защитила докторскую диссертацию на тему *Concepts of myth and utopia in Russian revolutionary literature*¹ в Лондонском университете.

В 1981–1982 годах поехала в Москву на языковую практику, Дафни начала работать в Агентстве печати «Новости» (АПН), редактируя переводы советских коллег на английский язык. В этот период она интенсивно общалась с советскими интеллигентами, приобретя много знакомых в среде диссидентов. Но в 1984 году Дафни, работая для британских телевизионных компаний, вдруг оказалась *persona non grata*, и в течение четырех лет ей отказывали в советской визе. Только в 1988 году, с наступлением перестройки, она смогла вновь поехать в Москву, где снимала телевизионные документальные фильмы. В 1990-х и 2000-х годах Дафни жила в Москве, работая консультантом для ряда международных проектов в области СМИ и интернациональной помощи в России, бывших советских республиках и странах Юго-Восточной Азии. В 2017 году она издала книгу *Freedom of Speech in Russia. Politics and media from Gorbachev to Putin*². Сейчас Дафни живет в Лондоне, занимается исследованиями и пишет новую книгу о России.

Несколько *предварительных замечаний*. Известно, что Венедикт Ерофеев часто добавлял штрихи и краски к собственному апокрифу. К любимым мифам, которые он распространял, относится, например, безвыездное детство на Севере. В таких случаях мы приводим, как правило, только один основной источник достоверной информации. Интересно было велось самым непринужденным образом, и Ерофеев не знал вопросы и не готовил ответы заранее. Оно происходило вечером после утомительного дня, и в его речи встречаются иногда грамматические несоответствия и чуть

¹ «Концепции мифа и утопии в русской революционной литературе» (англ.).

² Англ.: «Свобода слова в России. Политика и СМИ от Горбачева до Путина» (Лондон — Нью-Йорк: Routledge, 2017).

ломанный синтаксис, присущие спонтанной устной речи. Но и эти моменты передают особенности его живого языка в общении, поэтому мы решили печатать интервью с минимальным редактированием. Иногда Ерофеев сознательно меняет произношение слова или отдельных звуков. В таких случаях буквы даются курсивом. В пленке есть перерывы и пропуски, и Дафни больше не помнит, с чем они связаны. Мы хотели бы выразить свое восхищение Дафни Скиллен, проведенной такое интервью. Из известных на сегодняшний день это самое раннее интервью, взятое у Венедикта Ерофеева¹, и единственное, где звучит его живой голос, утерянный позднее в результате страшной болезни. Мы хотим сердечно поблагодарить Дафни за доверие и разрешение опубликовать эту запись.

Первая расшифровка интервью была опубликована в журнале «Знамя»², а вскоре в *Sardinal Points Literary Journal* появилась английский перевод³. Сейчас мы предлагаем более подробный комментарий к тексту этого поразительного интервью.

Эта публикация не появилась бы в таком виде, если бы не щедрая помощь целого ряда людей, которых мы оба, но особенно, конечно, Илья, хотели бы поблагодарить: Анны Авдиевой, Марка Гринберга, Александра Дымича, Галины Ерофеевой, Александра Лаврина, Олега Лекманова и Евгения Штала.

* * *

Интервью взято 12 июля 1982 года в квартире Галины и Венедикта Ерофеевых в Москве, улица Флотская, д. 17, корп. 1, кв. 78. Приближительное время начала интервью — 7 часов вечера.

¹ Подводя итоги 1982 года, Ерофеев упоминает в блокноте об интервью с Дафни Скиллен так: «Первые в жизни даю интервью корр.<степоддентке> ВВСи с магнит-<фонной> зап-<исью>» (расшифровка блокнота В. Ерофеева из личного архива Игоря Авдиева, предоставлено Анной Авдиевой).

² Ерофеев В., Скиллен Д. «Я не спешу...» // Знамя. 2019. № 10. С. 170–187.

³ *Venedikt Erofeev. A Recovered Interview with Darlene Skillen // Sardinal Points Literary Journal. Vol. 10. New York. 2020. P. 49–73. <http://www.stozvet.net/sardinalpoints.html>.*

Дафни Скиллен (далее — ДС): Скажи, где ты родился?
Венедикт Ерофеев (далее — ВЕ): Ты давай, валяй вопро-
 сы. Где родился? 38-й год, Заполярье, Кольский полуостров,
 Мурманская, то есть, область.

ДС: А где ты ходил в школу?

ВЕ: Все там же, все десять лет школы, с первого по де-
 сятый отбарабанил в средней школе города Кировска Мур-
 манской области¹. В Хибинах, знаешь такие горы — Хибинь?

ДС: Нет, не знаю.

ВЕ: Ну так вот, такие есть горы на Кольском полуостро-
 ве. С первого по десятый класс. Причем до десятого класса,
 то есть до семнадцатилетнего возраста, я ни разу не пере-
 секал полярный круг с севера на юг.

ДС: Почему?

ВЕ: Ну, так уж, не пришлось потому что (смеется)... Там
 родился и не приходилось никуда выезжать². Так что я впер-
 вые в жизни поехал, когда окончил со своей дурацкой зо-
 лотой медалью школу...

ДС: Кончил с медалью?

ВЕ: Ну да. Тут же поехал поступать в МГУ, а как раз
 только что открылось новое высшее здание МГУ³. Я тог-
 да впервые этот Полярный круг и пересек, впервые увидел
 живую корову и всю остальную экзотику среднерусскую.
 Тогда экзаменов не было, я просто прошел собеседование
 и поступил в МГУ на филофак⁴. Но проучился там все-
 го полтора года. Задурил, естественно, поскольку мне был

¹ Ерофеев посетил начальные школы вблизи от ж/д станций Хибинь и Зашеек (Полярные Зори); в 1947–1955 годах учился в школах г. Кировска (см.: Берлин. Шталь 2005. С. 15–22).

² На самом деле до поступления в МГУ Ерофеев несколько раз пересекал Полярный круг с семьей и детским лагерем (см.: Лекманов, Свердлов, Симановский 2020. С. 36–39, 48, 61).

³ Высотное здание МГУ было открыто в 1953 году, за два года до посту-пления Ерофеева в Университет. Однако филологический факультет, где учился Ерофеев, располагался на ул. Моховой, в домах № 9 и 11.

⁴ Медалисты зачислялись в Университет без экзаменов, по результатам собеседования. См. подробнее: «Время, оставшееся с нами. Филологический факультет в 1955–1960 гг. Воспоминания выпускников». М., 2006. С. 203, 368.

девятнадцатый год и на меня свалилась куча разных кри-
 зисов — от самого высшего пошиба до самого низшего раз-
 бора (смеется)¹.

ДС: Каких кризисов?

ВЕ: Ну, это уже неважно. Это тема для специального
 чего-нибудь... Они очень хорошо экстравантным слогом
 изложены в «Заметках психопата», как раз годы 56-й — 58-й.
 Они долго хранились у одного моего знакомого². Потом
 он передал их еще одному своему знакомому, и у того они
 с концами стигнули когда-то во время переезда с квартиры
 на квартиру. Они, видимо, выбрасывали все стопки ненуж-
 ной бумаги, и в том числе попало и это... Во всяком слу-
 чае, в 60-м году я в последний раз их видел и с тех пор не
 выдывал. Все-таки большая потеряйка...³ Потому что так-
 то она в высшей степени незрелая, но можно было из нее,
 переделав досконально совершенно, сделать интересную
 шутку. Тем более что писано, в основном, в восемнадцати-
 летнем возрасте.

А потом — здесь все примерно верно⁴, потом работал
 рабочим на стройке. Тогда как раз строились Черемуш-
 ки в Москве⁵. Потом коچهгаром, в Москве же. В 58-м году

¹ См. об этом: Лекманов, Свердлов, Симановский 2020. С. 68, 74–82, 89; *Книже* В. Как доехать до Петушков? // *Время, оставшееся с нами*. Филологический факультет в 1955–1960 гг. Воспоминания выпускников. С. 168.

² См.: *Ерофеев* 2003. С. 8, 9, 491, 510, 520, 576. Это сочинение Ерофеева известно как «Записки психопата». Ерофеев варьирует это название: в письме Светлане Шнитман-МакМиллин (1982) называет его «Записками веселого неврастеника» (Гайсер-Шнитман 1989. С. 20), название «Заметки психопата» фигурирует в нескольких других его интервью (см., например: *Ломазов* В. Нечто вроде беседы с Венедиктом Ерофеевым // *Театр*. 1989. № 4. С. 33). Рукопись хранилась у Владимира Муравьева и была опублико-вана после смерти автора.

³ «Я Терек не видел. / Большая потеряйка» (*Маяковский* В. Тамара и де-мон // *Маяковский* В. Собр. соч.: В 13 т. Т. 6. М., 1957. С. 74).

⁴ Дафни Скиллен уже не помнит, к чему относится эта фраза, но не ис-ключает, что привезла Ерофееву какое-то иностранное издание или ста-тью с информацией о его биографии.

⁵ Подсобником каменишка на строительстве Черемушек, — уточнял Еро-феев в краткой автобиографии, написанной в 1989 году (*Ерофеев* 2003. С. 7).

плонул на столицу, поехал на Украину и работал в геологоразведочной партии.¹

ДС: А я не знала, что ты был такой здоровый... человек.

ВЕ (смеется): В геологоразведочной партии, думаю, так. Потом возвратился... Нет, стоп, это еще до отъезда из Москвы, 58-й—59-й год работал приемщиком винной посуды в центре Москвы.²

ДС: Это завод?

ВЕ: Нет, это дарек, специальный дарек — приемный пункт стеклопосуды. Ты никогда не стаскивалась?

ДС: Нет...

ВЕ: Люди целыми сумками таскают туда всевозможную посуду из-под вина. Девять копеек — маленькая, двенадцать копеек...

ДС: Да-да, конечно. Понимаю.

ВЕ: Сейчас все цены унифицированы, сейчас они все по двадцать копеек, а тогда... <нрзб> Накопил кучу материала. Ни одна работа мне не доставила столько интересного материала, как эта вот работа. Все-то четырехмесечная работа на этом приемном пункте стеклопосуды...

ДС: А почему?

ВЕ: О... Очень интересно, очень интересно, да. Потом что же... В 59-м, в конце 58-го плонул на столицу и поехал в геологоразведочную партию на Украину. Там работал 59-й год. В 60-м году — плонул, в свою очередь, в Украину и работал дежурным в милиции в городе Орехово-Зуеве. Потом вышлибли меня из Орехово-Зуева³, я поехал во Владимир,

¹ В январе — июле 1959 года Ерофеев работал в Славянском отряде Артемовской комплексной геолого-разведочной партии рабочим глинистой станции (а не буровишником, как он указал в Краткой автобиографии, см.: Там же; Авдиев 2018. С. 156; Лекманов, Свердлов, Симановский 2020. С. 106–107). В перечислении работ, местх и иногда датах Ерофеев не всегда точен. Данные о многих из этих работ отсутствуют в его трудовой книжке и известны с его слов.

² Ерофеев 2003. С. 7; «Странник, играющий под сурдинку: О Венедикте Ерофееве» // Архив общества «Мемориал». Вече. № 8. С. 177. 1959 год — скорее всего, оговорка.

³ С сентября 1959 по октябрь 1960 года Ерофеев учился на филологическом факультете Орехово-Зуевского пединститута. Был отчислен:

то есть дальше нас *Osten* (смеется). Во Владимире работал библиотекарем¹, потом работал на строительстве шоссейной дороги Москва — Пекин, тогда строилась эта дорога. Она как раз проходила через Владимир. Так вот, я строил эту дорогу². Помнишь: «Папаша! Кто строил эту дорогу?» — у Некрасова? «Граф Петр Андрееч Клейнмихель, душенька». И тут же поступил во Владимирский пединститут. Через полгода меня вышлибли оттуда...³

ДС: Почему?

ВЕ: Приказ гласил так: «За идейное, дисциплинарное и нравственное разложение студенчества института»⁴. Хотя я учился без единой четверки и при поступлении... Единственный человек в институте получал повышенную стипендию. Она уже не сталинской называлась, а ленинской, по-моему, стипендией... или премия... стипендия имени Лебедева-Полянского⁵, что-то в этом роде. Одним словом, несмотря на то, что я первую сессию сдал на все «отлично»,

³ За академическую задолженность и систематическое нарушение трудовой дисциплины» (см. наст. изд. с. 93).

⁴ В «Краткой автобиографии» (Ерофеев 2003. С. 7) и интервью И. Волычеву (Там же. С. 518) Ерофеев указывает местом работы библиотекарем Брянск.

⁵ Согласно трудовой книжке Ерофеева, в апреле 1961 года он был принят грузчиком на Дорожно-строительный район № 4, где проработал четыре месяца (Авдиев 1998. С. 156–157).

⁶ Ерофеев поступил во Владимирский государственный педагогический институт (ВГПИ) в 1961 году и был отчислен в январе 1962 года (Шталь 2019. С. 164–171).

⁷ Эту формулировку Ерофеев записал в дневнике по свежим следам, возможно, с чужих слов: «31 января 1962 г. — <...> Приказ об отчислении. «За идейное, дисциплинарное и нравственное разложение студенчества института»» (Ерофеев 2005. С. 166). Однако в приказе ректора Б. Киктева от 30.01.1962 года, найденном Евгением Штальем в архиве Владимирского пединститута, Ерофеева отчисляют «как не славшего зачетную сессию по неуважительным причинам и не явившегося по неуважительной причине на экзамен по «устному народному творчеству», а также как человека, моральный облик которого не соответствует требованиям, предъявляемым уставом вуза к будущему учителю и воспитателю молодого поколения» (Шталь 2019. С. 171).

⁸ В 1948 году ВГПИ было присвоено имя литературоведа П. И. Лебедева-Полянского (1882–1948) с учреждением стипендий его имени. В 2008 году институт утратил имя П. И. Лебедева-Полянского.

меня тут же попросили уйти. Мало того, потребовали органы, чтобы я выехал в 48 часов из города Владимира и Владимирской области¹. И вообще, чтоб не въезжал в пределы Владимирской области. А уж состав преступления не знаю какой... Я, по-моему, только и делал, что лежал, посадывал из горла водку (*смеется оба*)... и группировал вокруг себя людей, которые занимались примерно тем же. И еще стихами и разве что Евангелием.

ДС: А ты писал тогда?

ВЕ: Вот тогда написал... Да нет, после изгнания из Владимирского пединститута работал еще грузчиком и немножко кочеваром во Владимире. Потом, после изгнания в 61-м году... в 62-м году, после изгнания из Владимира поселился в Павлово-Посаде. Там работал на поточной линии на кирпичном заводе². Потом-потом-потом-потом... в Коломне грузчиком на мясокомбинате, тоже Московская область³. В это время как раз написал «Благую весть». Но она тоже потеряна⁴. Она пользовалась успехом у владимирской молодежи. Ее переписывали от руки, я знавал даже энтузиастов, которые знали наизусть, хотя она все-таки размером солидным...
ДС: А ты не подумал о том, чтобы сохранить свою работу?

¹ Первые три экзамена Ерофеев сдал на «отлично» (см.: Ерофеев 2005. С. 165), но на последний экзамен не явился. Утверждение о фактической высылке из Владимира Ерофеев повторяет во многих интервью.

² С февраля по апрель 1962 года Ерофеев работал кочеваром 5 разряда в строительном тресте, а с конца июня по начало августа — разнорабочим на Павлово-Посадском заводе стройматериалов (*Авдеев* 1998. С. 157).

³ Ерофеев учился в Коломенском пединституте в 1962–1963 годах (Лекманов, Свердлов, Симановский 2020. С. 159–161). Коломенская легенда гласит, что Ерофеев подрабатывал грузчиком в газпрономке «Отонек», в здании которого сейчас располагается музей «Аркоммунналка: Ерофеев и другие». Директор музея Екатерина Ойнас выяснила, что Ерофеев гипотетически мог подрабатывать и на местном мясокомбинате, где на простые работы нанимали студентов.

⁴ Некоторые главы прозы (в другой редакции «Благовествование») написались еще при жизни писателя. «Благая весть», скомпилированная из нескольких источников, включающих воспоминания друзей Ерофеева, была опубликована после смерти автора в разных редакциях (см.: Ерофеев 2019. С. 239–254).

ВЕ: Ее сохранили. Я ее отдал приятелю — Цедринскому¹. Цедринский дал почитать своим друзьям. Кто-то из друзей дал одной из своих тетушек, а тетушка я уж не знаю... Куда стинула — один Бог ведает, с 62-го же года я ее не видел. А потом, в 63-м году, мне повезло, я определился на службу «Кабельные...» — как же это называлось? Ну, плетать на название организации, одним словом, строительство и монтаж кабельных линий телефонной связи. То есть мы опутывали всю Россию телефонными связями. Ровно десять лет там отарабанил — с 63-го по 73-й, даже десять с нахлестом? Приходилось работать в Московской области, Владимирской, Ивановской, Горьковской, Тамбовской, Липецкой, Смоленской, Черниговской, Гомельской, Могилевской, Тульской, в Литве даже, Брянской...

ДС: А как ты воспринимал это путешествие?

ВЕ: Какое?

ДС: Это хождение в народ...

ВЕ: Это хождение? Да почти ничего оно путевого мне не приносило, но у меня было положение таково, что у меня не было ни паспорта, ни постоянной прописки, ни постоянной крыши над головой². А тут все-таки в разъездах мы жили постоянно в вагончиках. Знаешь, такие крохотные вагончики, в которых ютятся строители?

ДС: Да-да-да.

ВЕ: Мы эти вагончики цепляли и колесили с ними, как циркачи прежних времен свой фургон гоняли из угла в угол. Это хорошо Теофилю Готье было писать своего «Капитана Фракасса» — там все у него очень выглядит заманчиво, а тут ничего подобного нет. Сплошная празнотища и все такое... Одним словом, сплошная харкотина.

ДС: А в гостинице невозможно было?

ВЕ: Да какие гостиницы, когда мы всегда в полевых условиях, в поле... Ну, правда, свои записные книжки очень

¹ Владислав Викторович Цедринский (1940–2010) — друг Ерофеева, упоминаемый в «Москве — Петушках» в главе «Орехово-Зуево — Крутое».

² Точные даты работы: май 1963 — январь 1973 года (Авдеев 1998. С. 157).

³ Лекманов, Свердлов, Симановский 2020. С. 85.; Берлин В. Вендикинт Ерофеев и «Вопросы лингвизма» // Новая газета. 2010. 20 октября.

обогатил, распух записными книжками. Во время этих разъездов писал немножко стихи для... Родился сын в 66-м году! Для него вот я рассказывал...

ДС: *Расскажи, это интересно.*

ВЕ: В начале 70-х годов стихи в разных жанрах. То есть начиная с каталовского размера или там с подражания... сапфирской строфой и кончая современным верлибром. Во всех жанрах.

ДС: *Они сохранились?*

ВЕ: Сохранились, но часть из них пустила на растопку моя теща, то есть матушка моей первой жены². У меня все хранилось в Петушинском районе, где в это время жил сын. Я же к нему наезжал ежемесячно.

ДС: *А когда ты поехал в Петушки?*

ВЕ: А в Петушки... Я из Владимирского пединститута вывез одну девицу, и у нас в 66-м родился сын. Пришлось срочно с ней обручиться, как говорится, потому что уже истекал месяц. А по истечении месяца младенцу надо давать во-первых, отчество, а во-вторых, фамилию, разумеется. Пришлось срочно обручатся, прямо в последний день, потому что месяц истекал в этот день. А жену распределили по окончании института в Петушинский район, село Караваево. Это еще автобусом от Петушков к северу. Так что мне приходилось, сколько бы я ни колесил по Руси, примерно каждый месяц приезжать в Петушки. К сыну с гостинцами...

ДС: *Как долго ты жил там, в Петушках?*

ВЕ: Я там почти и не жил, только наезжал туда. Приезжал к сыну, допустим, на три-четыре дня, потом опять исчезал на месяц. Это до 73-го года.

ДС: *И когда ты написал «Заметки психопата»?*

ВЕ: «Заметки психопата» — это я говорил... Когда я учился на первом курсе МГУ и немножко после изгнания из МГУ, когда пошел на московскую стройку.

¹ Венедикт Венедиктович Ерофеев родился 3 января 1966 года.

² Первая жена Ерофеева — учительница Валентина Васильевна Ерофеева (Зимакова) (1942–2000); Наталья Кузьминична Зимакова (1894–1981) — мать Валентины Ерофеевой.

ДС: *Но тогда ты не вернулся в МГУ...*

ВЕ: Нет, не вернулся. И не намерен был¹. В 72-м, тут же прямо спустя два года после «Петушков» написал — почти целиком было написано — примерно такого же объема, чуть-чуть побольше, «Дмитрий Шостакович». Но он у меня пропал, у меня его свистнули².

ДС: *Это что значит?*

ВЕ: Что значит? (Оба зримо смеются.) Это хороший вопрос! Я ехал в электричке поздно вечером и с большого похмелья. И у меня в сумке, в сетке то есть, с собой были две бутылки вина, которые прямо торчали из сумки. А рядом с сумками лежал пакет. В пакете были мои записные книжки. И вот как раз все черновики «Дмитрия Шостаковича», которые надо было просто сесть и переписать на белом.

ДС: *Это роман? Повесть?*

ВЕ: Ну я не знаю... Я в названиях жанра не силен, как угодно можно называть. Я вообще терпеть не могу эти подзаголовки — там «поэма», «повесть», «роман» или... Какая разница, по существу? Просто «Дмитрий Шостакович». Хотя там речи о Дмитрии Шостаковиче почти нет. Хорошо, если три страницы попадались, где упоминался Шостакович. Он там совершенно ни к делу, и ни к месту, и ни ко времени.

ДС: *Но почему ты назвал это «Дмитрий Шостакович»?*

ВЕ: А «Дмитрий Шостакович» там потому, что по ходу дела начинались сцены не совсем цензурного свойства. И вместо того, чтобы описывать то, что не годится для печати, я начинал говорить о Шостаковиче. О том, что такой-то Шостакович — лауреат там трам-пам-пам, командор Ордена Почетного легиона, почетный член итальянской академии Санта-Чечилия и все такое... Одним словом, о Шостаковиче

¹ По свидетельству В. Катаева, Ерофеев в начале 1970-х безуспешно пробовал восстановиться в МГУ (Катаев В. Как доехать до Петушков? С. 169–170).

² Рукопись не найдена, и неясно, в какой стадии написания находилась утраченная книга. Однако известно, что важные для Ерофеева записные книжки действительно были утрачены летом 1972 года (Агилев А. Телеграм-канал «Слова и буквы». <https://t.me/wordandletters>; Ерофеев 2007. С. 5, 42).

шла речь, пока не кончалась непристойная сцена. Как только она кончалась, повествование продолжалось дальше. Очень веселое повествование. Но когда опять случались сцены нехорошие, не для воспитанного слуха, а уж тем более не для советского слуха, хотя не на него было рассчитано, опять приходилось прибегать... дальше говорить о Шостаковиче. Попеременно о его симфониях... (*Оба смеются.*) Веселая была вещь. С печальным окончанием. Я, когда ее потел, прямо... У меня ее выкрали вместе с сеткой. Я уснул в электричке, а это был вечер воскресенья, когда всему народу очень *хой-ца* похмелиться, а уже достать негде — все магазины закрываются самое позднее в восемь! А я ехал уже в позднюю пору, в совершенно почти пустой электричке. Когда я проснулся... То есть кто-то соблазнился этой сумкой. Им все эти рукописи, черновики и не нужны были, никакой им «Шостакович» не нужен, они это, конечно, выбросили из окошка электрички. Им нужно было вино, а вот эти две бутылки... Если бы я их завернул хорошо в бумагу, ничего бы подобного не случилось.

ДС: *Очень жалко...*

ВЕ: Это 72-й год. Я тогда, когда вышел из электрички и увидел пропажу, упал на траву и рыдал, как Печорин, расставшись с княжной Верой или кем-то там, уже не помню...²

ДС: *Ужас такой...*

ВЕ: Вот. И потом попробовал было восстановиться, потому что она мне самому очень нравилась. Попробовал восстановить, делал несколько буденновских наскоков на этот сюжет, но уже получалось не то... Бездоховенно, бескрыло. Так что решил забросить эту затею. Хотя и настаивали очень многие именитые люди, но я отказался от этого. И надолго вообще забросил писание. Если и писал, то крохотные рассказы там, крохотные эссе о ком-нибудь или по заказу мелкие статьи о поэтах русских начала XX века.

¹ «Вечер воскресенья» не совпадает с датой кражи записных книжек, обозначенной Ерофеевым в блокноте явно по свежим следам: 19 июля 1972 года пришлось на среду.

² Дерюгинтов М. Герой нашего времени. М., 1962. С. 106; «Княжна» — явно по ассоциации с княжной Мери.

ДС: *Они вышли?*

ВЕ: Да нет, не вышли они, я все их раздабривал именно тому, кто мне их заказывал. И они это все вклеивали в свои альбомы, только и всего. То есть по таким мелким заказам. Вот, например, человек заказывает написать три странички о Саше Черном¹. И я ему пишу эти три странички о Саше Черном, он мне за это дарит какую-нибудь книгу, для меня возжеланную. То есть он не берет денег за книгу, не обменивает ее ни на какую другую, а просто с меня требует что-нибудь написать. И все это хранится в альбомах у разных людей. А так — ничего серьезного. Ну, то есть уже сколько-то лет подряд вынашиваю «Еврейские мелодии». Но пока еще не нашел, как говорить шалычники, пампура... Материала то бездна, стопы уже лежат. Столько материала, что придется девяносто процентов отсеивать из того, что накопилось, и оставить только самое наилучшее, наивеселейшее и, наоборот, наимчернейшее. И даже хочу выкроить пьесу из этого, где гибнут, по шекспировскому образцу, все герои? Но в основном речь идет о евреях исключительно. Как в «Петушках» речь идет исключительно как будто бы только о спиртном и больше как будто бы ни о чем другом, так здесь речь идет только о евреях.³

ДС: *Как называется?*

ВЕ: «Еврейские мелодии»⁴,

ДС: *Кто-то мне сказал, что называется «Семь с половиной евреев».*

¹ «Саша Черный и др.» (Ерофеев 2019. С. 390–391); это эссе о Саше Черном, написанное в начале 1982 года. Ерофеев подарил исследователю творчества поэта Анатолию Иванову.

² Кроме написанной пьесы «Вальпургиева ночь, или Шати командора» (1985), Ерофеев работал над пьесой «Фанни Каплан», но не закончил ее. См.: Лекманов, Свердлов, Симановский 2020. С. 411–413.

³ Ср. с записью Ерофеева в альбоме Александра Кривомазова, сделанной за два года до этого интервью, 30 марта 1980 года (см. наст. изд., с. 16).

⁴ «Вставки для „Еврейских мелодий“» — название одной из записных книжек Ерофеева (Ерофеев 2007. С. 385–390). Название «Еврейские мелодии», вероятно, заимствовано у Дж. Г. Байрона «Еврейские мелодии» (*Hebrew Melodies*, 1813), хотя не исключена ассоциация с циклом песен Дмитрия Шостаковича «Из еврейской народной поэзии» (1948).

ВЕ: Нет, это чепуха. У меня был план написать для журнала «Бронзовый век»¹, по их настоянию, «Мои семь евреев». То есть жизнеописания коротенькие тех семи евреев, которые послышнее других на меня оказали влияние. Или просто чуток потрясли хотя бы. То есть самых запоминающихся.

ДС: *Веня, а какие книги очень повлиявали на тебя?*

ВЕ: Смотря в какое время... Из самых ранних... В юности «Преступление и наказание», пожалуй, в шестнадцать лет прочитанное. В восемнадцатилетнем возрасте из самых сильных впечатлений — «Голод» и «Мистерии» Кнута Гамсуна². Уж тут я ходил ошалелый несколько недель, да даже больше, чем недель, и не мог ничего больше в руки брать после этой литературы. Потом, в возрасте примерно девятнадцати «Бранд», да и «Пер Гюнт», да даже и поздние пьесы, весь Ибсен совершенно, с головы до пят. Потом, кто же из литераторов-то... Да, пожалуй, сильнее этого потом и не было. А! Потом, конечно, Стерн³. Но это уже в возрасте двадцати двух, примерно, лет. Потом на меня уже навалился своей тяжелой, грамотной, <нрзб> массой Томас Манн. Томас Манн меня раздавил года на три. Это уже возраст двадцать пять — двадцать восемь лет⁴.

ДС: *Все это — иностранная литература, кроме Достоевского...*

¹ Neue Russische Literatur (NRL) / Ed. V. Len, G. Mayer, R. Ziegler. Universität Salzburg, Salzburg, 1978–1982; «Бронзовый век» — неофициальное название альманаха среди интеллигенции.

² Ср. со свидетельством Владимира Муравьева о 1955 или 1956 году: «Вот еще в общезнании попалось ему под руку „Мистерии“ Гамсуна, и он сразу понял, что это — его. И уж „Мистерии“ он знал почти наизусть» (Брофеев 2003, С. 574).

³ О влиянии Стерна на поэму Брофеева, см.: Левин 1996, С. 25; Власов 2019, С. 242, 410–411.

⁴ Впервые имя Томаса Манна появляется в дневниках до нас дневниках Брофеева за 1961 год, т. е. Брофееву 22–23 года (Брофеев 2005, С. 21–23, 30, 35, 145). «Одна из его (Брофеева. — И. С.: С. Ш.-М.) целей, как он мне говорил, вот, лето, достойное жизни, — переводы писем Томаса Манна». См. интервью Игоря Сорокина с Сергеем Филипповым 9 октября 2015 года // «Коммунальная Одиссея» / Проект под эгидой музея-резиденции «Арт-коммуналка. Брофеев и Другие». <https://artkommunalke.ru/filiprov-s/>.

ВЕ: Кроме Достоевского, оказалась только иностранная. Длительных действий на меня среди русских не было никого, пожалуй¹. Ну и, конечно, стихи. Стихи-то, в основном, конечно, русских поэтов. Если из заморских поэтов — то в русских переводах в хороших. Поэтов-то я, пожалуй, даже больше читал, чем прозаиков. Всех, то есть, поэтов, от сибирической русской поэзии семнадцатого века и до Николая Заболоцкого, примерно так.

ДС: *Когда ты написал «Москву — Петушки»?*

ВЕ: Вот как раз осенью 69-го года, покуда ездил со своим вагончиком². Мы строили эту кабельную линию связи от станции Лобня с ответвлением на Долгопрудную и в сторону аэропорта Шереметьево. Совершенно безалаберное время... **ДС:** *Но как ты мог вообще писать, когда жил в поле, в вагончике?*

ВЕ: Да, в поле, в вагончике... В том-то и дело. Нас в вагончике было восемь рыл. Причем писать при них было невозможно, потому что каждый из этих обитателей вагончика постоянно спрашивал: «А что ты там кропаешь?» Приходилось кропать по ночам. И то спрашивали: «Не пора ли гасить там свет?» Или: «Что ты там, готовишься, что ли, к экзаменам? Все равно не поступишь никуда. Сейчас никуда, кроме как по благу, не поступишь». Несли вот такую гилью³, мне это все приходилось выслушивать...

Ну что же делать, раз уж на меня накатило, одолело, я продолжал. Что-то у меня это отняло немного времени — месяца два. Это учитывая, что писалось только урывками, вечерами. Быстро. А «Дмитрия Шостаковича» вообще пришлось писать в сторожке под Москвой, где я охранял

¹ Ср. с высказыванием Брофеева 1988 года о преобладании «закордонных» влияний на «Москву — Петушки» (наст. изд., с. 60).

² В том же 1982 году Брофеев в письме Светлане Гайсер-Шнитман датирует поэму 1970 годом (Гайсер-Шнитман 1989, С. 21); в статье А. Агапова и И. Симоновского (наст. изд., с. 506–520), основанной на недавно обнаруженных записках Брофеева 1969–1970 годов, эта датировка подтверждается с небольшой коррекцией (17 января — 7 марта 1970). Вопрос о том, могли ли отдельные главы поэмы, черновики и пр. быть написаны Брофеевым ранее, остается открытым.

³ Гилья (устар.) — вздор, чепуха.

склад всего этого кафельного хозяйства, где чуть ли по мне не бегали крысы. (Смеется.) Маленькая сторожка, в которой — мой кабинет. Кабинет был примерно в мою длину длиной и в мою ширину шириной. Ровно раскладушка устанавливалась и больше, по-моему, ничего. Да, крохотная-крохотная узенькая скамейка рядом — письменный стол, «бюро» назовем его... (Смеется.) И вот, как на грех, сейчас-то, с 74-го года, когда я поселился в Москве, а уже с 77-го года прописан в Москве, и уже созданы, пожалуйте, все комфорты для писания — пишется уже хуже. Черт его знает, почему так. То есть мне-то не к спеху, я не спешу. «Мне некуда спешить», — как писал Самел Вургун, великий азербайджанский поэт, советский, кстати¹. Но посмотрим, я все еще рассчитываю, что поездка на Север меня немножко порастрясет...²

ДС: *И потому ты будешь заниматься пьесой?*

ВЕ: Хочу из «Еврейских мелодий» еще выкроить пьесу. Трагедию непременно. В трех действиях — и все действие происходит в приемном пункте стеклопосуды, винной посуды³.

ДС: *А тебе нравилось разговаривать с рабочими...*

ВЕ: Не очень, не очень. Я их общества почти избегал. Не так чтобы избегал, но и не очень панибратствовал с ними.

ДС: *Но ты был с ними?*

ВЕ: Еще как! Еще как! Еще как! Все, начиная от тройного одеколона и кончая резолью⁴.

ДС: *И ты все это испытывал?*

ВЕ: Ну конечно, да еще задавал иногда тон. Многим малопосвященным расширлял кругозор⁵ в этом отношении.

ДС: *Было скучно с ними?*

¹ Вургун С. «Я не спешу...» / Пер. К. Симонова // Симонов К. Собр. соч.: В 6 т. М., 1966. Т. 1. С. 535.

² В июле 1982 года Ерофеев участвовал в походе на моторной лодке по Северной Двине от Великого Устюга до Архангельска. См. об этом: Лекманов, Свердлов, Симановский 2020. С. 347-348, а также: наст. изд. с. 153-154.

³ Место действия неоконченной пьесы «Фанни Катлан» — приемный пункт стеклотары. См.: Лекманов, Свердлов, Симановский 2020. С. 412.

⁴ Наталья Архипова вспоминает, как Ерофеев утощал ее резолью (Там же. С. 229-230).

⁵ Автосцитата из «Москвы — Петушков», см.: Ерофеев 2003. С. 138.

ВЕ: Да не совсем скучно... Среди них, во всяком случае, за все время работы с ними из пяти-шести тысяч людей, с которыми приходилось хотя бы пить, — я считаю, я с человеком знаком, с которыми хоть раз выпил, — так вот, их примерно было тысяч пять-шесть. Из них нашлось штук пять-шесть землянчиков хороших людей. Ну, не то что хороших, но более или менее добросовестных. А так они... Общение с ними не дает ничего абсолютного. Иногда какие-нибудь их случайные обмолвки, маленькая их придурь дает какой-нибудь толчок для какого-нибудь поворота прихотливого, глупой мысли... А больше от них толку никакого. Это ж не XIX век, где они учились у Русского народа говору и все такое. А сейчас...

ДС: *Но все-таки чувствуется большая симпатия к народу в книгах.*

ВЕ: Так ну еще бы им не симпатизировать, этим беднягам, господи! Кто же тогда им будет симпатизировать? Господь на них плюнул, власти — тоже, по существу, так что...

ДС: *А ты стараешься, были какие-то попытки официально опубликовать свою работу?*

ВЕ: Нет, никогда, ни разу. Ни одного мгновения в жизни мне не приходило в голову здесь хоть что-нибудь опубликовать. Ни разу. Вот тут я прямо...

ДС: *Просто потому что знал, что это бессмысленно?*

ВЕ: Да не то что бессмысленно — и желания не было. Тут уж я совершенно стерильное существо. Ни секунды даже мысли не было. Да и смешно было бы думать...

ДС: *Но когда ты написал «Москву — Петушки» — это было для друзей?*

ВЕ: Я рассчитывал примерно на аудиторию из дюжины человек. И я не подозревал, что спустя восемь лет будет уже не дюжина человек, а дюжина держав (смеется), опубликованных...¹ К вопросу о неисповедимостях...

ДС: *Скажи, Веня, когда ты начал пить?*

¹ К 1982 году «Москва — Петушки» вышли в Израиле и Франции на русском языке и в десяти странах в переводах: Франция (1976), Англия (1976 — на польском), 1981 — на английском), Швеция (1977), Италия (1977), Германия — Швейцария (1978), Нидерланды (1979), Польша (1979), США (1980), Словения (1980).

ВЕ: Пить? Ну, вообще-то говора, до десятого класса меня тщательно оберегала матушка от этого, потому что мой покойный папенька был самый известный во всем городе алкоголик¹. Он дома не жил никогда, переходил из пивной в пивную... Зарабатывал только тем, что у него никогда за душой ничего не водилось... Он только что вернулся, отсидел непонятно за что семь лет².

ДС: Он был столбленный человек?

ВЕ: Не совсем. Он был известен еще своим голосом. Он бродил по городу, всегда в подпитии, хотя и не имел денег... Пел что-нибудь вроде «Благословляю вас, леса, долины, нивы, горы, воды... / Там-прам-пам-пам. / И одинокую тропинку...»³ Или там из «Фауста»: «Привет тебе, привет невинный, / привет тебе, привет священный». Вот такой у него был репертуар. Мне не позволялось даже при встрече с ним... Я иду, допустим, в школу, уже будучи взрослым, девятый-десятый класс — при столкновении не разрешалось ни приветствовать его, ни подавать ему руки, если тот протянет. Матушка боялась не винагия его, а просто самой элементарной наследственности. Так что впервые мне пришлось глотнуть водки — и вообще спиртного напитка — на выпускном вечере по окончании десятилетки.

ДС: Сколько тебе было лет?

ВЕ: Мне было шестнадцать, непонятных семнадцать. Паратно, нелегально, в кустах, на патерых — одну бутылку водки! И я чувствовал себя лейб-гусаром, экое дерзновение!

¹ Ко всем сведениям Ерофеева об отце, его работе и песенном репертуаре следует относиться с осторожностью: по свидетельству сестер Ерофеева, Нины Фроловой и Тамары Лушиной, утверждения брата об алкоголизме отца преувеличены. Они вспоминали, что до пребывания в ГУЛАГе Василий Васильевич Ерофеев (1900–1956) был человеком жизнедеятельным, любил петь оптимистические советские песни, был опрятен и всегда держался с большим достоинством. Он неоднократно получал награды и поощрения за хорошую работу на железной дороге; см.: Лекманов, Свердлов, Симановский 2020. С. 28–29.

² Василий Ерофеев был осужден в 1945 году по статье 58, пункт 10 УК РСФСР и находился в заключении до 1950 года (Там же. С. 40–42). В 1951 году он был осужден вторично на три года, но до конца срока актирован по состоянию здоровья (см. наст. изд., с. 556–557).

³ Романс П. Чайковского на стихи А. К. Толстого.

Ну а потом в МГУ, в связи с неурядицами, ну, там еще начались маленькие неурядицы такого чисто женского плана, но это более-менее все понятно... Как-то, находясь в слишком темном расположении духа, просто сходил и по собственному почину взял себе четвертинку, благо они были... Четвертинка — знаешь, *двухсотпятидесятиграммовые бутылочки*?

ДС: Водки?

ВЕ: Водки, да. Просто ее взял и, завершись в аудитории опустевшей вечером, шлепнул до дна из горлышка. Ну а потом через две недели еще примерно одну. Ну а потом, когда уже был выпиблен из МГУ... Выпиблен-то я был, разумеется, не за это¹. А уже когда перешел на стройку, и в кочегары, и все такое — тут уже стало это каждодневным.

ДС: Это началось, когда ты общался с рабочими?

ВЕ: Нет, как раз рабочие тут ни к чему. Наоборот, слишком много рабочих приходилось сбивать с толку — юных и не совсем юных, некоторые даже постарше меня. А так начал совершенно самопроизвольно и изнутри. По божьему попушению...

ДС: И с тех пор ты пьешь?

ВЕ: Да, ну как то есть пью... Иногда ведь случаются антракты более или менее длительные, от нескольких часов до нескольких месяцев. И ничего. Во всяком случае, 82-й у меня, по-моему, год с меньше всего выпитым... ни разу с тех пор, как мне стукнуло восемнадцать лет, никогда я так мало не пил, как в тысяча девятьсот восемьдесят втором году².

ДС: И как ты себя чувствуешь?

ВЕ: Прекрасно себя чувствую, за исключением нескольких утр, когда все-таки пить накануне приходилось. А что

¹ Влестьяше слав первую сессию, Ерофеев почти полностью забросил учебу. Согласно приказу, подписанному проректором МГУ Галиным, Ерофеев был отчислен «за академическую неуспеваемость и пропуск занятий без уважительной причины». Выписка из «Приказа № 11/У» об отчислении Ерофеева из МГУ датирована 14 января 1957 г. См. ее копию в: Ерофеев 2003. С. 1 (вкладка иллюстраций).

² Относительно длительные периоды трезвости у Ерофеева в 1982 году связаны с лечением от последствий алкоголизма в московской больнице № 1 им. П. П. Кащенко. См.: Лекманов, Свердлов, Симановский 2020, С. 345–346.

будет дальше — неизвестно. Возьму да как-нибудь и запью. А возьму да и... Ну, впрочем, об этом так много в последнее время приходилось говорить с друзьями-психиатрами, которые уж слишком «готовы на все услуги», как говорил у Гоголя Городничий дочери¹.

ДС: *Синяевский где-то говорит, что народ пьет для душевных целей.*

ВЕ: Для каких душевных целей... да мелет твой Синяевский. Мне его «Голос из хора» очень не понравился. Совершенно не понравился.

ДС: *Почему?*

ВЕ: Не знаю, какая-то выпендренная манера. Можно простить, что адресовано жене, да еще из лагеря и все такое. Но не знаю, для чего эта штука написана. Если не считать двух-трех коротких реплик, которые он расслышал в этом лагерьном быту. А сам Синяевский... Вот «Пролетки с Пушкиным» — это прелесть, разумеется. Я прочел залпом и даже двумя залпами, то есть два раза подряд прочел. А все, что Синяевский говорит об этой стороне дела, о русском питии, тут он уж дилетант. Хотя он с ними и был тесноват, будучи в лагерях, но, по-моему, мало что понял в этом. Пусть бы не совался...

ДС: *Тебе очень нравятся музыка?*

ВЕ: Музыка — да! Пожалуй, чуть ли не больше, чем русская поэзия.

ДС: *Ты играешь на рояле?*

ВЕ: Нет, ни на чем. В отрочестве, в юности пытался играть, но увидел, что у меня получается хуже, чем Хреново, и забросил.

ДС: *У тебя здесь есть рояль...*

ВЕ: Ну рояль что же, потому что слишком много знакомых пианистов. У меня из людей, входящих в квартиру, каждый третий играет. Так что он у меня почти не умолкает, этот рояль. Пусть тешится народ...

(*Перевы в записи.*)

(*Следующий вопрос на пленке отсутствует.*)

ВЕ: Писалось окрыленно, если выражаться старомодно. Во всяком случае, когда писал, я уже доехав до Орехова-Зуева — уже полкниги, — еще не знал, приеду ли я, собственно, в Петушки. Что со мной случится на следующей станции — я не знал. То есть такого, как выражается Константин Федин, всоохватывающего плана, обдуманности от начала до конца — у меня не было абсолютно¹. Все вышло само собой. Причем писалось совершенно без черновиков.

ДС: *Да? Первый раз — вот так?*

ВЕ: Совершенно без черновиков².

ДС: *И у тебя не было книг, в условиях твоей жизни...*

ВЕ: Какие там книги... Просто за день, куда рылся в земле и прокладывал этот кабель, я примерно обдумывал главу, а вечером, когда возвращался, я ее тут же моментально набрасывал в тетрадь, почти не отрывая пера от бумаги.

ДС: *Когда работал, писал «Москву — Петушки», ты читал ее рабочим, с кем ты был?*

ВЕ: Нет, упаси бог! Они бы ничего не поняли, ничего³.

ДС: *А ты называешь это «поэма» — от Гоголя?*

ВЕ: Не-ет, я не знаю, кому в голову взбрело назвать это «поэмой». У меня это слово совсем отсутствовало⁴. Я же говорю, что я к названиям — «жанровка» это называют — или нет?.. — я к этому совершенно индифферентен. Можно было называть как угодно... Да лучше никак не называть, потому

¹ Вероятно, Ерофеев имел в виду описание К. Фединым своей творческой работы. См., например: «Перед началом работы я составляю ее план. Если пишется рассказ, то на двух, трех листах бумаги я размечаю по главам или частям весь его сюжет. <...> План романа значительно сложнее» (Федин К. Как мы пишем. Л., 1930. С. 154–155).

² Полное отсутствие черновиков «Москвы — Петушков» вызывает сомнения. Запись в блокноте Ерофеева 1969–1970-х годов: «добавить: триумф, тшета, идея, каприз, пафос. (о смешках)» (Ерофеев 2005. С. 633). Вероятно, речь идет о доработке главы «Электроулы — 43-й километр».

³ См. в письме Ерофеева второй жене Г. Ерофеевой (Носовой) о коллегам по геологической экспедиции в 1976 году: «...тобой присланные «Петушки» не вызвали ни одной улыбки ни у кого из четырех прочитавших» (наст. изд., с. 146).

⁴ Это не так — в главе «Новогиреево — Реутово» Веничка Ерофеев представляется как «экс-бригадир монтажников ПТУСа, автор поэмы „Москва — Петушки“» (Ерофеев 2003. С. 140).

¹ Из письма Хлестакова: «...готова сейчас на все услуги» (Гоголь Н. Полн. собр. соч. и писем: В 23 т. Т. 4. М., 2003. С. 80).

что некоторые считают, что это не подходит ни под одну категорию ни одного жанра.

ДС: А как ты так хорошо знаешь русский язык, народный язык?

ВЕ: Ну так, господи, поневоле его будешь знать.

ДС: Благ и мат — и все...

ВЕ: Ну благ, мат — это несложно было... (смеется), спишем несложно, он всегда был под рукой, не под рукой, а под ухом. Ну а все остальное — я все-таки пишу-то с детства, слава богу. Первую свою штучку я написал, когда мне было пять лет. Она всего была длиною что-то такое две странички совершенно детским почерком. Это еще было за два года до поступления в школу, в первый класс. Я-то этого не помню, но моя покойная матушка, когда меня в последний раз навещала, она рассказывала, что первое сочинение было в пятилетнем возрасте и называлось «Записки сумасшедшего».

<nrз6> Уж не знаю, о чем там речь...

ДС: Ты хорошо знаешь Библию?

ВЕ: Да не то что уж досконально, но считаю, что знаю...

Считаю, что знаю.

ДС: Ты религиозный человек?

ВЕ: Пожалуй, что нет. У меня пиетет перед религией. Я вообще считаю, что... (Долгая пауза.) Ну господи, кресте Евангелия, ну что же, собственно... никаких впереди спасений других, по-моему, и быть не может. Не то что уж полная приверженность Евангелию, но хотя бы — принси-пы евангельской этики...

ДС: Веня, ты очень любишь слушать радио, следить за новостями...

ВЕ: Еще как! Да, конечно! Ко мне обращаются люди, которые тоже каждый день слушают радио, но почему-то для них это служит фоном. Я только что вернулся из больницы, навещал свою знакомую, которая тоже слушает радио, потому что оно у них там постоянно включено¹. Она меня

спрашивает: «Ну как там Сальвадор?» Объясняешь ей, что такие-то гондурасские части введены на территорию Сальвадора¹. О том, как обнимались после третьего итальянского года испанский король с президентом Пертини на поле, и все такое². О том, что делается на ханойско-пекинском фронте³. Да... Обо всех...

ДС: А как ты думаешь о событиях Falklands...⁴

ВЕ: Очень рад, очень рад был за Маргарет Тэтчер. Аплодировал каждому ее выступлению, даже каждому тепловидению⁵.

ДС: А почему?

ВЕ: Потому что терпеть не могу аргентинский режим и хулиганство. Это, в сущности, мелкое хулиганство — одобрить захват островов, которые не им принадлежат. У меня твердое убеждение, что британцы должны были отстоять Фолклендские острова. И не только потому, что это разогрело бы аппетиты тех, которые зарятся на Гонконг, на Gibraltar⁶ и все такое...

ДС: Ты говоришь, что Галливеры репрессировал человека, который тебе очень нравился, репрессировал какую-то партию.

ВЕ: Да, он всех поголовно репрессировал. И не он первый, те два генерала, что были до него, занимались тем же

¹ В гражданской войне в Сальвадоре (1979-1992) время от времени принимали участие подразделения гондурасской армии.

² Чемпионат мира по футболу проходил в 1982 году в Испании. В финальном матче принимали участие команды Италии и ФРГ. Матч закончился победой итальянской команды со счетом 3:1.

³ Вооруженные столкновения между Китаем и Вьетнамом продолжались с 1979 по 1990 год.

⁴ Война между Великобританией и Аргентиной (02.04.1982-14.06.1982), оккупировавшей принадлежавшие Великобритании Фолклендские и прилегающие к ним острова, окончилась победой Великобритании.

⁵ «В многолетнем арабо-израильском конфликте он неизменно был на стороне евреев. Из иностранных деятелей особо отличал Миттерера и Маргарет Тэтчер», — вспоминала сестра Ерофеева Тамара Гущина (Ерофеев 1992. С. 143).

⁶ Бывшие британские колонии. Гонконг был передан Китаю с сохранением специального статуса в 1997 году; Gibraltar по желанию жителей остается британской территорией. Права на владение Gibraltarом остаются Испании.

¹ В этот день Ерофеев навещал в больнице химика Валентину Николаевну Еселеву (1940-2010), с которой дружил еще со времени учебы в Орехово-Зуевском педагогическом институте.

самым. Во всяком случае, за Фолклендскими островами очень следил. В особенности за приближением эскадры — я отсчитывал дни, когда же, наконец, эта милая моему сердцу эскадра... (смеется оба) достигнет берегов этих гнущихся аргентинцев. И каждый день — неистовствовал: ну что же они медлят?! Почему же они не начинают штурмовать Порт-Стэнли, Пуэрто Архентино? И почему такие неудачи поначалу? Уже мои любимые израильтяне врываются в Бейрут, уже их танки под окнами президента Ливана Саркиса², а эти британцы все еще возятся в четырех километрах на подступах к Порт-Стэнли. Я параллельно следил за своими любимцами — за Тель-Авивом и британской эскадрой.

ДС: *Можно сказать, что тебе нравилась Англия?*

ВЕ: Англия очень нравится. Даже своими географическими очертаниями на карте. (Смеется.) Что-то в этом есть! Сравни хотя бы с дурацкими очертаниями Ирана, допустим. Или даже Бельгии... Какая-то несуразность в самой конфигурации государства³. А Британия мне очень по сердцу, да и вообще британцы... Британцы, если разве что только не в области музыки, так оказались уж слишком сильное на нас на всех воздействие. И уж к британцам-то, кто же равнодушен к ним?

(*Вторая сторона кассеты.*)

ВЕ: Ну так вот. Музыка, пожалуй, даже большее влияние оказала, чем и поэзия и проза. И многие почему-то находили в этом следы... Но музыка — не манеры XVIII века. Этой всеобщей одержимости вивальдиями, бахами, генделями,

¹ Порт-Стэнли (исп. Puerto Argentino) — столица Фолклендских островов.

² В 1982 году началась военная операция Израиля на территории Ливана с целью уничтожения баз Организации освобождения Палестины (ООП). Осала Бейрута — ключевой эпизод военной операции, в результате которой формирования ООП были вынуждены покинуть страну. Илья Саркис — президент Ливана в 1976–1982 годах.

³ Об очертаниях государства см., например, в письме Ерофеева Наталье Шмельковой, написанном 22 августа 1987 года: «Еще отрада, допустим, — мой котенок Пиночет. Я все чаще захожу <...>, чтоб с ним поспидеть. При этом я напоминаю ему, наверное, своими очертаниями Норвегию, а он мне — остров Вахрейн» (Шмелькова 2018, С. 61).

альбионянами, чимаробами, монтевердиями, палестринами я не разделяю. А вот уже понемногу, начиная с позднего Бетховена, через Шопена, Шумана, Мендельсона...

ДС: *А Бах?*

ВЕ: И к Баху совершенно равнодушен. Ни одна строчка Баха меня не трогала, ни единая¹. Если уж любимцев называть, так Густав Малер, Ян Сибелиус, ну, в какой-то степени, Брукнер, Дмитрий Шостакович... Из советских еще, когда попадет удачно под расположение духа, — Прокофьев. Да иногда даже Кабалевский.

ДС: *А Стравинский?*

ВЕ: Ну и, конечно, Игорь Стравинский. Вот Игорь Стравинский тут не вписывается в картину, поскольку мне-то больше по вкусу музыка прочувствованная, что сейчас почему-то кажется пошловатым. Но мне плевать, как кажется, я не боюсь быть старомодным. Главное — неохладенная игра в музыку. Поэтому не могу понять никаких ни Куперенов, ни Рамо... Понятнее мне только музыка, начатая с раннего романтизма.

ДС: *А ты занимаешься только классикой?*

ВЕ: Только. И поэтому из нынешних слушаю только тех, на ком обнаруживаю хоть малый след своих любимцев. Борис Чайковский или Альфред Шнитке — из наших. А из западных когда-то очень любил в особенности раннего Мийо, Артур Онеггер даже не так, а вот Дариус Мийо — да, носился... Со шгулками Жана Кокто очень носился — с «Быком на крыше» того же Мийо², с Пуленком... А, да, Карл Орф, еще я забываю, Карл Орф. Вот это — грешен, что забыл, того человека забыть...

ДС: *А как ты считаешь — Высоцкий, Окуджава...*

¹ Этому утверждению противоречит ряд воспоминаний. См. свидетельство Вячеслава Улитина: «Однажды я был свидетелем того, как он [Ерофеев] несколько раз подряд крутил арию Петра из произведения Баха «Страсти по Матфею», записанную на пластинку» (Шталь 2019, С. 182–183) и мемуар Ольги Седаковой: «<О>н говорил, «Никогда не пойму, почему носится с Бахом!» — но когда я играла баховские прелюдии, он слушал совсем не как топ, кому до Баха нет дела» (Ерофеев 2003, С. 598).

² Либретто балета Дариуса Мийо «Бык на крыше» было написано Жаком Кокто в 1919 г. Впервые балет был поставлен в 1920 г.

ВЕ: Высоцкий, Окуджава — само собой. Это настолько каждодневная любовь к ним, что прямо об этом не говоришь. То есть настолько привычная любовь, как к ближним людям, без которых невозможно. То есть класться в любви к ним не станешь, поскольку это излишне, как не делаешь это в применении к людям, без которых не обойтись... И меня очень радует, что и русские их любят. Любят, может, немножко с другой стороны и по другим причинам, — но все равно любят. Мне радостно, когда в самых дуриных квартирах все-таки иногда бывает проблески. Из окошка, например, хриплый голос Высоцкого... И уже радостно на сердце, и не так черновато смотришь на русских, что-то еще в них теплится.

ДС: Я хотела узнать: ты читал фольклор?

ВЕ: То есть чей фольклор?

ДС: Русский фольклор или...

ВЕ: Русский фольклор сам-то по себе, сказки эти, были... особенно эти тупые былины — терпеть не могу. Но вот русская песня — вот что, пожалуй, даже сильнее всяких влияний... стернав, Рабле, Гоголя, да и музыкальных, Малера... Да и сильнее влияний всяких цветавых, и фетов, и тютчевых, все-таки — русская песня. Вот это, пожалуй, наипитачнейшее из влияний. «Об этом больно говорить», — как говорил Томас Манн¹. (Смеется.) То есть русская песня — такая глубинная, основная, без всяких этих веселых примесей, без того, чем она стала вдруг к концу прошлого века, а уж тем более чем она стала нынче.

ДС: Мне непонятно, а что ты имеешь в виду, когда говоришь «русская песня»? Народная песня?

ВЕ: Русская народная песня... Прямо начиная от «Липа вековая»...

ДС: А романсы?

ВЕ: Ну и романсы², но романсы... Вот уже я, например, не могу понять романсы там Метнера, или Черепнина, или

¹ «И Томас Манн в 42 г.: „И это такая простая правда, что больно говорить о ней“» (Ерофеев 2005: С. 604).

² Наталья Шмелькова свидетельствовала, что в конце 1980-х годов видела у Ерофеева дневник, в который он занес 943 русских романса пятидесяти семи авторов (Шмелькова 2018: С. 35).

Катюара, или Гречанинова. Ну Гречанинов — за маленьким исключением. Вот как раз романс нравится прямо пропорционально близости к настоящей русской песне. Как это называется — глубинная русская... У испанцев есть хороший термин для обозначения этого, у всяких де фалей. Это они называли... или Альбенис — Альбенис, по-моему, это называл *санте хондо*...¹

ДС: А цыганские песни?

ВЕ: О, цыганщина, ну ее к чертям собачьими! Как только вклинивается хоть самая малая цыганизированность, вот это меня уже... я рыло вволю. Не могу. Поэтому, например, я без ума от романсов Гурилева², потому что они, по существу, русские песни, но терпеть не могу какого-нибудь Дюбюка, его же современника, с его романсами вроде «Защелуй меня до смерти — от тебя и смерть мила» или «Ах, почему я не бревно»³ там и все такое... (Смеется.)

(Конец записи)⁴

¹ *Санте хондо* (андалус. диалект) — «глубокое пение», класс музыки и поэзии фламенко. См. в записной книжке Ерофеева 1967 года: «т. е. не внешняя испанщина, а глубинное пение — канте хондо (см. „звучившие, страстные, дикие звуки канте хондо“)» (Ерофеев 2005: С. 56); здесь Ерофеев цитирует биографню Дорки авторства Льва Остовата [Остоват Л. Гарсиа Лорка М., 1965: С. 176]).

² Игорь Андиев свидетельствовал, что Ерофеев любил «романсы Александра Гурилева на слова Алексея Кольцова („На заре туманной юности...“, „Ветеря дасточка...“, „Магушка-голубушка“)» (Чернуцкий [Андиев, Игорь]. Памяти Венедикта Ерофеева // Странник. 1991. № 1. С. 79).

³ Пост.: «Ах, зачем я не бревно?»

⁴ Расшифровка и комментарий Илья Симановского и Светланы Шнитман-МакМиллин.